

Н.В. Демина

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СООБЩЕСТВЕ УЧЕНЫХ: ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ КАК ОБРЯД ПЕРЕХОДА

В статье рассмотрен процесс пересечения границы мира Науки — инициация в сообщество российских ученых через аспирантуру и защиту кандидатской диссертации. Понятия обряда перехода (А. ван Геннеп, В. Тернер) и обряда институционализации (П. Бурдьё) дают возможность рассмотреть проблемы качества научной аттестации и состояния научной экспертизы в России под новым углом зрения. Отмечается, что при вступлении в мир науки — прохождении обряда перехода, или институционализации — неподготовленными и непроникнутыми его истинным сакральным смыслом чужаками, происходит «загрязнение» сообщества ученых, влекущее десакрализацию и размывание существующих границ.

В редакторской статье журнала «Social Education» некто под псевдонимом SJN опубликовал прощальную статью, связанную с уходом на пенсию. Прощаясь со своими коллегами, он совершает своеобразный обряд перехода. Он отмечает, что большую часть своей взрослой жизни был членом «племени» географов, которому Роберт Макни посвятил такие строки: «Так же, как и у племени, у них есть свои тотемы и табу, свои герои племени, свои сакральные книги и символы, свои крики единения, свои характерные способы мышления и коммуникации, свое разделение труда, свои методы установления власти, свои способы отбора кандидатов на исследование неизученных земель и свой взгляд на другие племена» (McNee 1967: 4–5, цит по: Some Rites of Passage 1993: 279.). Автор иронично замечает, что достаточно легко описать то, чем отличается одно научное «племя» от другого, но достаточно сложно — что сплачивает каждую отдельную группу (Some Rites of Passage 1993).

Научный мир России также разделен на значительное число больших и малых научных «племен» со своими обрядами, ритуалами и церемониями. Однако почти всем российским ученым для получения первой научной степени пришлось пройти через испытание аспирантурой и участие в диссертационном диспуте. Степень кандидата наук (PhD или соответствующая ей степень в академической системе другой страны) — «необходимое и достаточное условие для приема в научное сообщество» (Ziman 1968: 64).

В данной статье аспирантура и диссертационный диспут рассматриваются с помощью двух метафор. Во-первых, как обряд перехода из сообщества *учеников* в сообщество *ученых*:

для этого используются антропологические подходы Арнольда ван Геннепа и Виктора Тернера. Подробно анализируются составные черты данного обряда перехода. Во-вторых, описывается альтернативный подход Пьера Бурдьё, предпочитавшего обряды перехода рассматривать как обряды институционализации. Используя его логику, аспирантура и защита диссертации представляют собой переход из мира *неученых* (мир Небытия в науке) в мир *ученых* (мир научного Бытия).

Защита диссертации как обряд перехода

Как справедливо отмечает Джон Зиман, научная степень сертифицирует два совершенно противоположных умения: 1) знакомство с элементарной грамматикой и синтаксисом определенной области науки; 2) успешное завершение скромного, но оригинального исследования. Сертификация соискателя как компетентного ученого всецело находится в руках существующего истеблишмента (Ziman 1968: 65). Мы полагаем, что ритуал защиты кандидатской диссертации представляет собой *обряд перехода* из мира учеников в мир ученых. Термин *rites de passage* был введен французским этнографом Арнольдом ван Геннепом. Целью его книги «Обряды перехода» (1908) было создать классификацию «последовательности церемоний, сопровождающих переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) в другой» (Геннеп 2002: 15).

Обрядом перехода можно считать любой ритуал или церемонию, связанную с изменением социального статуса затрагиваемого ритуалом лица или лиц, напр., погребение, посвящение в рыцари, инициацию, крещение (в частности, боевое) и т. д. Обряды перехода имеют двойную функцию: они свидетельствуют об изменении статуса и магическим путем осуществляют это изменение (Лич 2001: 95). Как отмечали А. ван Геннеп, Анри Жюно (Henry Junod) и др., обряды перехода не ограничиваются только случаями жизненных кризисов, но могут сопровождать любую перемену из одного состояния в другое. Виктор Тернер полагал, что обряды перехода не ограничиваются только движением между приписываемыми статусами. Они касаются и вхождения в достижительный статус (Turner 1989: 95), в нашем случае в сообщество ученых. Чтобы перейти из мира учеников, студентов в мир ученых, нужно совершить определенные действия, пройти через определенные церемонии, отвечающие «определенному строю чувств и определенной ментальной ориентации» научного сообщества (Геннеп 2002: 8). И дело не только в каких-то физических действиях или подготовке научных статей, имеющих материальное воплощение на бумаге, но и в нематериальных аспектах. Так, Дж. Зиман отмечает, что поведение профессионального исследователя обусловлено нормами научного сообщества, поэтому молодой исследователь должен изменить свои нормы студента на нормы научного сообщества, к которому он хочет принадлежать (Ziman 1968: 73). Однако не достаточно просто ознакомиться с существующим консенсусом норм. Соискатель должен интернализировать научное отношение: научиться вести себя как ученый, привыкнуть «думать по-научному». Зиман полагает, что «современным научным сотрудником становятся, а не рождаются» (Ziman 1968: 81). Разумеется, аспиранту в процессе подготовки кандидатской диссертации подчас приходится заниматься совершенно «несакральными» вещами, недаром Майкл Махони назвал одну из глав своей книги об ученых достаточно иронично «Обряды перехода: Избранные нелепости в ходе обучения в аспирантуре» (Mahoney 1976). Однако в формирующие годы обучения в аспирантуре молодые исследователи приобретают интеллектуальные установки, знание методик, навыки в выполнении технических процедур, представления о социальных конвенциях, дающих им возможность стать полноправными членами научного сообщества. «Аспирант не только изучает новейшую методику по своему предмету и вносит в него свой, пусть и небольшой, вклад, — он знакомится с правилами научной аргументации и полемики, вырабатывает свою

собственную версию стандартов аргументации и доказательства, требуемую в исследовательском сообществе» (Ziman 1968: 145).

Российский социолог Вадим Радаев, опубликовавший книгу о 75 простых правилах исследовательского проектирования, сделал интересные, на наш взгляд, замечания о формальных и неформальных особенностях коммуникации в российской науке. Он, в частности, полагает, что диссертация является не столько научным исследованием, сколько квалификационной работой. Ее можно считать «пропуском» в профессиональное сообщество. В диссертации «главное не новизна, а соблюдение установленных правил и конвенций. <...> Диссертация рассматривается как квалификационный тест, по которому оцениваются уровень соискателя и его готовность влиться в профессиональный цех». «Вся процедура защиты — приглашение оппонентов, сбор отзывов на диссертацию и автореферат вплоть до заключительной процедуры голосования членов Совета с опусканием в урну условных шаров “за” или “против” нашей работы — есть не что иное, как сбор поручительств и рекомендаций профессионалов. Они призваны подтвердить одну простую вещь — нас можно допустить в круг ранее избранных. <...> Диссертация — это свидетельство нашей профессиональной “кредитоспособности”. Не более, но и не менее того» (Радаев 2001: 87–88).

Излишне впечатлительным аспирантам он советует просто принять правила игры научного сообщества. «Принято считать, что именно на обсуждении диссертант должен пройти через чистилище, где его (ее) примерно высекут, покажут собственное место и отправят на непременную доработку. <...> Официальное обсуждение — это последнее испытание, тренировка перед ритуалом “посвящения в рыцари”. На самой защите все, как правило, проходит более формально и доброжелательно. Предполагается, что соискатель уже “всему научен” и его (ее) можно отпустить с миром» (Радаев 2001: 88–89).

Ван Геннеп выделял в обрядах перехода три категории обрядов вторичного, более низкого порядка: обряды отделения — *прелиминарные*, обряды промежуточные — *лиминарные* и обряды включения — *постлиминарные**. Все они могут быть частью одного и того же церемониального цикла. Любой из вторичных обрядов может приобрести статус самостоятельного, автономного этапа. Так, например, помолвка является промежуточным обрядом, самостоятельным этапом между отрочеством (девичеством) и женитьбой (замужеством) (Геннеп 2002: 24). На наш взгляд, аспирантура и защита диссертации включают в себя несколько последовательных этапов перехода из мира учеников в мир ученых. Ученик переходит из профанного мира в мир сакральный, мир ученых. Так же, как и при классическом обряде перехода, этот переход нуждается в регламентации, упорядочении, соблюдении определенных ритуалов, чтобы сакральный мир не потерпел ущерба.

Итак, ученик гласно заявляет о своем желании приобщиться к миру ученых (получить степень кандидата наук). Он собирает необходимые документы, пишет реферат, готовится к экзаменам: по специальности, философии, иностранному языку. В идеале, вступительные экзамены в аспирантуру играют роль обряда отделения от мира учеников. Не все выдерживают эти испытания и становятся аспирантами. Период обучения в аспирантуре — промежуточная, лиминарная стадия перехода из мира учеников в мир ученых. В течение всего этого периода в идеале проходит исследовательская работа, полевые исследования, чтение научной литературы по теме научного исследования, подготовка и публикация статей, дискуссии на семинарах, общение с научным руководителем, участие в конференциях. Все это дает возможность ученику впитать в себя стиль и методы научной работы. Сдача аспирантского минимума по специальности, философии, иностранному языку, в идеале предполагающая посещение лекций по философии, занятия по иностранному языку и

* От лат. *limen* «вход, дверь, граница, межа, порог, рубеж».

подготовку к экзаменам, представляет собой промежуточный обряд. Диссертационный диспут сочетает в себе обряд отделения и обряд включения. Им завершается отделение от мира учеников и приобщение к сообществу ученых. Банкет по случаю успешной защиты диссертации завершает обряд включения. Совместная трапеза — банкет — играет, несомненно, важную роль, представляя собой обряд приобщения.

Цель обрядов включения, по выражению членов племени ваяо Восточной Африки (Werner 1906: 102–103, цит. по: Геннеп 2002: 40), «вести ребенка в мир», или, как говорят даяки Бакаранга, «выпустить ребенка в мир», подобно тому, как спускают корабль на воду (Ling Roth 1896: 102, цит. по: Геннеп 2002: 40). Формальная церемония — обряд инициации — простая функция отделения, проведение границы, сообщение иницируемому и обществу его / ее нового статуса. В идеале весь цикл: вступительные экзамены — аспирантура — кандминимум — диссертационный диспут представляет собой «умирание» соискателя как ученика и «воскрешение» как ученого. Вступившего в мир ученых воскрешают, учат жить, но иначе, чем в мире учеников. В отличие от классических форм обрядов перехода, аспирантура часто проходит без физического и морального отделения от среды, где ученик находился раньше. Обряд отделения выражен не в столь явной степени, как в своей классической форме. Не происходит перемены одежд, ритуального омовения, перемены прически и прочего радикального изменения облика иницируемого.

Аспирант как лиминарная персона

В своей книге «Лес символов. Аспекты ритуала ндембу» Тернер остановился на рассмотрении обрядов перехода с разработанными лиминарными периодами: хорошо маркированными и растянутыми во времени. Пограничный период — «лиминарность» — он анализировал как межструктурную ситуацию. Тернер предпочитает видеть переход как процесс, как становление, а в случае обряда перехода — как трансформацию (Turner 1989: 93–94). Первая фаза — отделение — включает в себя символическое поведение, означающее отделение индивида или группы от ранее фиксированной точки в социальной структуре или как набора культурных условий (состояний). Во время промежуточного лиминарного периода положение субъекта ритуала амбивалентно. Он проходит через область, которая обладает некоторыми чертами предыдущего и будущего положения. Переход завершается в третьей фазе. Переходное состояние, или «лиминарная персона», определяется либо именем, либо набором символов. Аспирант играет роль «иницируемого», или «неофита». Символизм, привязанный к «неофиту» и окружающий лиминарную персону, сложен и причудлив (Turner 1989: 96). Аспирант приобщается к конвенциям, нормам и целям сообщества, в которое он входит.

Субъект обряда перехода в лиминарной фазе «невидим». Структурная невидимость лиминарных персон имеет двойственный характер. Они уже не классифицированы и еще не классифицированы. Неофиты рассматриваются как эмбрионы, новорожденные младенцы, для их описания используются символические средства, различающиеся от культуры к культуре. Существенная черта этого символизма состоит в том, что неофиты «не живы» и «не мертвы», с одной точки зрения, и «живы» и «мертвы», с другой. Их состояние — это двойственность и парадокс, смешение всех привычных категорий. Тернер приводит слова Якоба Бёме, который любил повторять «Все вещи состоят из Да и Нет». Тернер отмечает, что лиминарность может рассматриваться как «Нет» всем позитивным структурным утверждениям, но и в некотором смысле являться источником их всех и более того — быть

областью идеальных возможностей, откуда могут проистекать новые идеи и отношения (Turner 1989: 97).

Неофиты обычно отделяются, частично или полностью, от области культурно определенных и упорядоченных статусов и положений. Ндембу иногда говорят о неофитах как о тех, кто «находится в другом месте». Когда их выводят из сакральных мест укрытия, они часто переодеты, в масках или гротескных костюмах, их тела покрыты полосками из белой, красной и черной глины и т. п. Иницилируемые могут рассматриваться как абсолютно бесполое или же двуполое существа и как вид человеческой первоматерии — недифференцированного сырого вещества. Другой структурно негативной характеристикой переходных существ является то, что у них ничего нет. Нет статуса, собственности, характерных отличительных черт, светской одежды, ранга, родства, ничего, что могло бы их демаркировать от их коллег. Это состояние, пишет Тернер, является прототипом сакральной бедности (Turner 1989: 98–99).

Говоря о позитивных аспектах лиминарной фазы обряда перехода, Тернер говорит о процессах роста, трансформации и переформулировки старых элементов в новые. Удивительное единство лиминарности: тот, который ни это и ни то, и то и это одновременно. Тернер отмечает, что между неофитами и их инструкторами и при общении неофитов друг с другом существует набор взаимоотношений, которые составляют «социальную структуру» чрезвычайно специфического типа. Это очень простая иерархическая структура: между инструкторами и неофитами часто существует полное доминирование первых и полное подчинение последних; среди неофитов часто существует полное равенство. Хотя неофиты ранее могли занимать разные положения, ранги, в лиминарный период все эти различия и градации теряются. Лиминарная группа неофитов является сообществом товарищей, ее отличает отсутствие всякой иерархии. Это товарищество преодолевает рамки различий в ранге, поле, возрасте и родстве, которое можно описать известным девизом «Один за всех и все за одного». Власть инструкторов основана не на юридических санкциях, а на самоочевидном авторитете традиции. Авторитет старших абсолютен, в том смысле, что они представляют собой общее благо и общие интересы сообщества. Пассивность неофитов, их податливость и покорность инструкторам, подчинение указаниям, сведение их к единообразным условиям существования являются знаками роста и движения к новому статусу в жизни (Turner 1989: 100–101).

На наш взгляд, едва ли можно говорить о современных аспирантах как сообществе товарищей, слишком оно разрознено и поглощено борьбой с реалиями рыночной экономики. Точно так же сложно говорить и об абсолютном доминировании научных руководителей над аспирантами. Наша метафора «обряд перехода», примененная к аспирантуре и защите кандидатской диссертации, имеет свои пределы. Современный научный руководитель играет скорее роль советчика, наставника, коммуникатора. Так, В. Радаев отмечает, что роль руководителя заключается в том, чтобы помочь «войти в профессиональное сообщество — и не через черный ход, а через нормальную дверь. <...> Руководитель призван ... подсказать, как себя вести, чтобы не нарушить формальных процедур и неформальных конвенций, “прикрыть” при возникновении нештатных моментов» (Радаев 2001: 102).

Самое важное в лиминарном периоде — внутренние, а не внешние изменения в человеке, проходящем обряд перехода. Сокровенное знание, или «гнозис», приобретаемый неофитом в лиминарный период, изменяет саму суть неофита, накладывая не него отпечаток. Его показная покорность — это, на самом деле, впитывание сил, которые станут активными после того, как его социальные статусы будут переопределены обрядами включения. Происходит не просто биологическое или физическое изменение, а онтологическое. Прохождение всей промежуточной стадии чрезвычайно важно — пропуск ее означает, что

человек не получает новый статус. Так, человек из племени ндембу, прошедший обрезание в больнице, а не в племени, не считается мужчиной, т. к. не прошел необходимых ритуальных процедур (Turner 1989: 102). Точно так же, человек, купивший диссертацию или использовавшие другие «неритуальные» методы получения степени кандидата наук, считается в научном сообществе «ненастоящим» кандидатом. В кулуарах люди не преминут сообщить друг другу, что для коллеги G написал диссертацию коллега I, что защита стоила столько-то и столько-то. Однако, как и по отношению к племени ндембу, для людей, внешних по отношению к миру ученых, грани между человеком, прошедшим обрезание «по-настоящему», и тем, кто сделал его в больнице, стираются и практически неразличимы. Именно поэтому научная степень является столь привлекательной для чужаков из внешнего мира: пришел, получил и ушел.

Передача научной сакральности

Структурная простота лиминарной ситуации во многих инициациях компенсируется его культурной сложностью. Один из самых важных аспектов — передача священного, сакры, сердца лиминарной материи. Неофитам показываются священные предметы, реликвии богов, героев и предков. Часто примечательной чертой таких священных предметов является их формальная простота, однако их интерпретация достаточно сложна. Неофитов учат основам теогонии, космогонии и мифической истории их обществ или культов, особенно по отношению к демонстрируемой сакре. Большое значение придается сохранению в тайне природы сакры, напеваемых формул и даваемых инструкций (Turner 1989: 102–103).

Тернер упоминает исследование Джейн Харрисон (J. Harrison), которая выделила три главных компонента передачи сакры в древнегреческих мистериях. Эта классификация верна для обрядов инициации по всему миру. Сакра может передаваться 1) показом, «то, что показывается»; 2) действием, «то, что делается»; 3) наставлением, «то, что говорится» (Harrison 1903, цит. по: Turner 1989: 105–106). Неофиты уводятся с их статусных позиций и, следовательно, от их ценностей, норм, чувств и техник. Они также лишаются своих прежних методов мышления, чувствования и действия. Во время лиминарного периода неофитов заставляют и поощряют думать об их обществе, космосе и тех силах, которые генерируют и поддерживают их. Лиминарность частично может рассматриваться как стадия рефлексии. Передача сакры и других форм эзотерического знания включает три процесса, которые следует рассматривать параллельно. Первое — это сведение культуры к признаваемым компонентам или факторам; второе — перекомбинация в фантастические или монстрообразные образцы и формы; и третье — их перекомбинация и перестроение, чтобы сделать их осмысленными для нового положения или статуса, в который входит неофит (Turner 1989: 105–106). «Лиминарность — область примитивных гипотез, где существует определенная свобода искажения факторов существующей реальности». Производится беспорядочное смешение и столкновение категорий события, опыта и знания в целях педагогического воздействия. Эта свобода имеет довольно узкие пределы. Неофиты возвращаются в общество с более внимательным и настроенным отношением и расширенным знанием о том, как работают вещи, но они снова должны подчиняться обычаям и законам. Им было показано, что альтернативные пути мышления и действия, отличные от тех, которые установили божеества или предки, могут привести к разрушительным последствиям (Turner 1989: 106).

При инициации закладываются аксиомы космологии сообщества. Тернер пишет и об алогичных иррациональных элементах сакры. Центральным кластером алогической сакры является символический образец всей системы верований и ценностей данной культуры, в архетипичной парадигме и первичности. Он использует метафору печати в связи с

онтологическим характером, приписываемым многим инициациям к сокровенному потаенному знанию. Термин «архетип» обозначает по-гречески печать или оттиск, и эта сакра, представленная в непостижимой простоте, «впечатывает» в неофита основополагающие представления о культуре сообщества. Неофитам говорят также, что они от сказанного и увиденного наполняются мистической силой. В соответствии с целью инициации, эта сила дает им способность успешно решать задачи их нового статуса, в этом мире и последующем. Таким образом, передача сакры учит неофитов, как думать о своем культурном окружении с некоторой долей абстрактности, и предоставляет им конечные точки референции. В то же время считается, что она изменяет их природу, трансформирует их из одного вида человека в другой. Она окончательно объединяет человека и институцию (Turner 1989: 108).

Можно сказать, что и аспирант приобщается к священным для данного научного сообщества источникам и предметам. Посвящаемый аспирант приобщается к «священной» научной литературе и истории исследований в области своей специализации. Научные дарования, авторитеты — герои науки — цитируются им в публикациях. Знание жития ученых-«святых», научного «иконостаза» требуется продемонстрировать на экзамене, в научных статьях, выступлениях на конференциях, в диссертации и автореферате.

Молчание, отсутствие увеселений, сидение в библиотеке, долгие часы размышлений — все это сопровождает передачу научной сакры. В какой степени происходит трансформация из ученика в ученые, зависит как от самого неофита-аспиранта и его инструктора — научного руководителя, так и от «племени» — научного сообщества.

Граница между миром неученых и ученых — и воображаемая, и реальная. Историк П. Миллюков так рассказывает о магистерских испытаниях, в частности о своей пробной лекции, дающей право читать лекции на положении приват-доцента: «Впечатление публики было благоприятное: *dignus est intrare** <...> И я счастливо перешагнул границу от ученика к ученому. Этим было закреплено и мое социальное положение в московском обществе, где, в противоположность военному и чиновному Петербургу, университетский круг по традиции стоял на первом плане» (Миллюков 2001: 120).

«Нейтральной полосой», «пограничным столбом» служит аспирантура. Каждый, кто пишет диссертацию, в течение двух и более лет оказывается в промежуточном пространстве, одновременно и воображаемом и реальном, между двумя мирами. Происходит «круг вращения», «полный оборот» человека, вначале существующего в среде неученых, а потом переходящего в мир ученых. Человек оказывается «обернувшимся вокруг себя»: он смотрит на сакральное, будучи в состоянии профанном, а потом наоборот. «Такие изменения не проходят без нарушения общественной и личной жизни; и именно на то, чтобы смягчить вредные последствия таких изменений, направлены многие обряды перехода» (Геннеп 2002: 17). Происходит как бы умирание для мира профанного и воскрешение в мире сакральном, который впоследствии становится для ученого обычным.

Защита диссертации

Ученые могут воспринимать новичка как чужого. Диссертационный диспут снимает с непосвященного «табу индивидуальной отчужденности» (Геннеп 2002: 31). «Чужеземец»-неученый не может сразу попасть на территорию «племени» ученых. Он должен заранее и

* *Dignus est intrare* (лат.)

издалека объявить о своем желании получить ученую степень и выдержать испытательные экзамены.

Хотя процедура защиты диссертаций в разных странах разная, но механизм действия обряда перехода и включения всегда такой же, как и этапы сближения между чужеземцами и туземцами: остановка, ожидание, переход, вход, включение. Ритуал защиты диссертации допускает различные интерпретации. Ван Геннеп пишет о том, что различные обряды наслаиваются на обряды перехода и комбинируются с ними столь тесно, что невозможно дать однозначную интерпретацию того или иного обряда (Геннеп 2002: 16). Некоторыми чертами защита диссертации напоминает обряд инициации в греческой Элевсине. Происходит смотр кандидатов. Жрецы (члены Ученого Совета), путем наложения запрета (табу) отстраняют тех, чьи руки нечисты и речь невнятна (такой отбор встречается и в Африке во время посвящения в тайные общества, он вменяется в обязанность жрецу-колдуну) (Геннеп 2002: 85–86). Время образует знаки особого свойства, фиксирующие различные отношения темпоральности и следования друг за другом.

Защита диссертации — своего рода мистерия, под которой Геннеп понимает «совокупность церемоний, которые, проводя неопита из профанного мира в сакральный, оформляют его прямую и окончательную связь с последним» (Геннеп 2002: 85). Ученый Совет и ВАК представляют собой институты, ответственные за знание обрядов, руководство церемониями, охрану святынь и тому подобное, т. е. выполняют функции, которые в древние времена было закреплены за определенными семьями. Последовательность обрядов, порядок рассаживания за столом, очередность выступлений — все это должно быть соблюдено как в основных чертах, так и порой в мельчайших деталях. Положение ВАК о диссертационном совете (Положение 2002) играет роль ритуального руководства по проведению обрядов. Несомненно, что «порядок сам по себе является существенно значимым магически-религиозным элементом» (Геннеп 2002: 85).

Последовательность церемонии такова. 1) Собираются все посвящаемые вместе с «сакральными» предметами (экземплярами диссертации и автореферата). 2) Собираются члены Ученого Совета (совета «племени»). 3) Начинается совет «племени». Глава совета «племени» (председатель Ученого Совета, либо его заместитель, либо и. о.) объявляет ФИО новообращаемого, тему его диссертации — работы, на основании которой будут судить о готовности неопита к приобщению к миру ученых. 4) Ученый секретарь рассказывает о жизненном пути индивида. 5) Обращаемый получает слово и рассказывает о том, какой сакральный научный труд он подготовил. 6) Обращаемому задают вопросы, позволяющие убедиться в том, что соискатель готов (не готов) вступить в племя. Порой задаваемые вопросы играют роль бичевания, принятого во время обрядов инициации. Геннеп отмечает, что во всей церемонии бичевание имеет смысл обряда отделения, а затем и обряда включения (Геннеп 2002: 76). Члены совета «племени» своими вопросами демонстрируют, насколько их мастерство выше, чем у новичка. Вопросы порой превращаются в наставления от членов совета «племени». Нередко вопросы несут в себе явную или завуалированную форму поддержки. 7) Научный руководитель — инструктор, наблюдавший и сопровождавший прохождение обращаемого через промежуточную, подготовительную стадию, рассказывает о том, почему он считает соискателя готовым к вступлению в «племя». Научный руководитель вводит обращаемого в мир ученых. 8) Два оппонента выступают с рассуждениями о готовности (неготовности, что чрезвычайно редко) соискателя к вступлению в новое племя. 9) Обращаемый отвечает на замечания оппонентов. 10) Идет дискуссия, где члены «племени» и все пришедшие на заседание Совета могут высказать свое мнение о соискателе. 11) Соискатель выступает с заключительным словом, в которое нередко вплетаются благодарственные гимны всем тем, кто помог пройти соискателю через промежуточный этап, этап подготовки к обращению. Использование особого благодарственного возвышенного

стиля — часть церемонии. 12) «Племя» избирает трех человек в счетную комиссию. 13) Проходит тайное голосование и осуществляется подсчет голосов. 14) Всех участников обряда перехода приглашают обратно в зал, где торжественно объявляют о результатах голосования совета «племени». Звучат возгласы, аплодисменты, за ними следуют пожатие рук, объятия. Порой соискатели и члены группы поддержки плачут от радости или пережитого нервного потрясения. Новообращенный приглашает всех к совместной трапезе. 15) Довольные участники идут в отдельную комнату или специальный зал для банкетов, где уже накрыт стол. Происходит совместная консолидирующая трапеза (post-performance supper) и нередко распитие горячительных напитков, совместный перекур.

Совместная трапеза (банкет)

Банкет (совместная трапеза) — обряд включения, материального единения, «таинство причастия». Единение порой может быть окончательным. Но иногда оно действует лишь в период переваривания предложенного угощения. Так, эскимосы считали чужеземца, капитана Лайона, своим гостем лишь в течение 24 часов (The Private Journal of Capt. G.-F. Lyon 1824: 350, цит. по: Turner 1988). Иногда обряд угощения заменяется или дополняется обрядом подношения даров. Это этап, который, по В. Тернеру, можно было бы назвать ритуалом «охлаждения» (cooling down) (Turner 1988: 9). В. Радаев отмечает, что «тяжелые времена, вызванные горбачевским антиалкогольным указом 1985 г., давно миновали. И организация банкета (скромного или пышного, в зависимости от возможностей диссертанта), как и в славные советские времена, всеми ожидается. И ничего зазорного здесь нет. Никто не расценивает приглашение на банкет как примитивный подкуп — это лишь часть ритуала по защите диссертации и светлый праздник завершения его публичной части» (Радаев 2001: 98).

Спиртные напитки нередко играют составную часть обряда включения (банкета). Потребление спиртных напитков может быть как действием профанным, так и сакральным, в зависимости от контекста ситуации, и люди могут даже не подозревать о том смысле, который несет та или иная ситуация. Совместное распитие напитков символизирует начинающуюся или длительную социальную солидарность или, по крайней мере, дружественный настрой (Washburne 1961: 270). Алкоголь является средством, как понижающим напряженность, так и увеличивающим ее (Horton 1943: 199–320). Акт выпивания может служить символическим маркером, отличающим один социальных контекст от другого (Honigmann 1963: 157–169), например, отделяя рабочее время от свободного. Д. Мандельбаум полагает, что «алкоголь — это культурный артефакт; формы и смыслы потребления алкоголя, так же, как и любого другого артефакта, обусловлены культурой. Форма обычно совершенно явно оговаривается, включая виды напитков, объем и скорость приема, время и место выпивания, сопровождающий ритуал, пол и возраст пьющего, роли вовлеченных в выпивание и ролевое поведение, соответствующее выпиванию» (Mandelbaum 1965: 281). У ацтеков, во время важных религиозных церемоний нужно было как следует напиться, иначе боги будут недовольны (Thompson 1940: 68). По мнению В. Эрлих, культурные традиции определяют способы и формы потребления алкоголя, только если в сообществе достигнуто некоторое равновесие, если сообщество не находится в некотором кризисе, иначе культурные традиции быстро сметаются и происходят резкие изменения по отношению к потреблению алкоголя (Mandelbaum 1965: 288).

Защита диссертации как обряд институционализации

Пьер Бурдьё в статье «Обряды институционализации» («Rites of Institution») предложил альтернативный подход к обрядам перехода. Французский социолог отмечает, что для

развития теории обряда перехода ван Геннепа необходимо поставить вопрос о социальном значении границ или пределов, которые ритуал позволяет пройти законным путем. Ему кажется, что само название «обряд перехода» подчеркивает перемещение во времени, вместо того чтобы делать акцент на одном из самых существенных аспектов этого обряда — отделении тех, кто прошел через обряд, не от тех, кто еще не прошел, а от тех, кто не сможет пройти его в любом случае. Таким образом устанавливается устойчивое различие между теми, к кому обряд имеет отношение, и теми, к кому не имеет. Именно поэтому Бурдьё предпочел называть обряды перехода обрядами посвящения или обрядами легитимации или же — *обрядами институционализации (rites of institution)* (Bourdieu 1991: 117).

Лоик Вакант в своем предисловии к английскому переводу книги П. Бурдьё резюмирует, что «...предметом обсуждения Бурдьё является действие социальной алхимии, посредством которой социальная иерархия маскируется, — для тех, кого она поощряет, не в меньшей степени, чем от тех, кого она исключает, — под шкалу человеческого превосходства, так что исторически произвольно возникший социальный порядок, укорененный в материальности экономической и политической власти, преобразуется в то, что отражает каждое заметное проявление аристократии ума. Под этим углом зрения, присуждение элитной степени — скорее не “обряд перехода” по ван Геннепу, а обряд институционализации, т. к. оно скорее демаркирует не “до” и “после”, а различает — и продвигает вверх — тех, кто достоин занимать видные социальные позиции, от тех, кто будет этим людям подчиняться. Это вызывает почтение и освящает этих людей, в самом сильном смысле этого слова, т. е. делает их святыми (любой человек, который посещал церемонию вручения дипломов в британском или американском университете, не мог не поразиться ее архаичному религиозному настрою, который так восхитил Робертсона Смита» (Wacquant 1995).

Бурдьё попытался выявить инвариантные свойства таких социальных ритуалов, как обряды институционализации. Он отмечает, что обряды институционализации освящают или легитимируют границы, ранее считавшиеся произвольными. Обряды перехода привлекают внимание наблюдателя к процессу перехода, вместо того, чтобы подчеркивать значимость самой линии, самого порога, границы, через которую проходит иницируемый. Что же на самом деле отделяет эта линия? — спрашивает Бурдьё. Обряд освящает, институционализирует разницу, не между, например, мальчиками, подвергнутыми и не подвергнутыми обрезанию, а между мужчинами и женщинами, между маскулинным и феминным мирами (Bourdieu 1991: 118).

Следуя логике Бурдьё, в рассматриваемом нами случае аспирантуры и диссертационного диспута обряд институционализации отделяет не мир учеников и ученых, а мир не ученых и ученых. Обряд освящает, легитимирует границу между двумя этими мирами. Тем не менее, если в обряде, разделяющем мир мужчин и женщин, эта граница задается самой природой (хотя в настоящее время операции по перемене пола не такое уж редкое явление), то граница между миром ученых и не ученых не кажется такой жесткой и непреодолимой. В любом возрасте человек, ранее не принадлежавший к миру ученых, может задаться целью и подготовить диссертацию для получения ученой степени.

Бурдьё спрашивает: знаем ли мы на самом деле, что означает освятить разницу? Институционализировать, в данном случае, освятить, означает санкционировать определенное состояние вещей, установленный порядок, точно таким же путем, каким это делает конституция в юридическом и политическом смысле этого слова. Обряд делает разницу известной и признаваемой. Она начинает существовать как социальное разделение, известное и признаваемое как задействованными, так и не задействованными лицами (Bourdieu 1991: 119).

Процесс присуждения ученой степени, используя логику Бурдьё, имеет символическую эффективность, которая совершенно реальна, поскольку она реально изменяет человека,

проходящего освящение: во-первых, потому что она изменяет представления других, которые они ранее имели о нем, и, что самое главное, их поведение по отношению к нему (наиболее видимые изменения состоят в том, что ему присваивают уважительные титулы и действительно связанное с ними уважение); во-вторых, потому что обряд одновременно изменяет представление, которое иницируемый имел о себе и поведение, которого он должен придерживаться, чтобы соответствовать этому представлению (Bourdieu 1991: 119). Бурдьё отмечает, что акт институционализации является актом социальной магии, который может создать различие как из ничего, так и (что чаще встречается) путем использования ранее существовавшей разницы между полами, разницы в возрасте и пр. Продолжая свою мысль, он говорит о том, что в случае социальных классов различные принципы дифференциации производят различные разделения, которые не всегда полностью конгруэнтны друг другу. Однако социальная магия всегда умудряется разрывать существующую социальную непрерывность (Bourdieu 1991: 120). Таким образом, какой бы зыбкой и иллюзорной ни казалась грань между тем, кто получил ученую степень, и тем, кто ее не получил, она все же существует и институционализирована.

Институционализировать, присвоить звание, степень, титул значит навязать право быть тем, кем необходимо быть или не быть. Это означает обозначить, объяснить кому-то, кто он такой и как вследствие этого он должен себя вести. Институционализировать, дать социальное определение, идентичность также означает задать границы. «Положение обязывает» (*noblesse oblige*) — означает действовать в соответствии со своей сущностью, что в случае дворянина означает действовать в соответствии со своим рангом и отказаться от поступков, могущих подорвать его (Bourdieu 1991: 120–121). В случае уполномоченного говорить от лица коллектива — это его привилегия, обязанность, его истинная функция, словом, его компетенция (в юридическом смысле этого слова). Социальная сущность — это набор социальных атрибутов и атрибуций, идущих от акта институционализации как торжественного акта категоризации, который производит то, что он обозначает (Bourdieu 1991: 121).

Акт институционализации является, таким образом, актом коммуникации, но особого рода: он обозначает кому-то его идентичность, одновременно выражая для него эту идентичность и налагая ее на виду у всех, тем самым авторитарно сообщая ему, кто он есть и кем должен быть. Человеку, которому объявляют о присуждении ученой степени кандидата наук, говорится, что он теперь ученый и должен вести себя, как этого требует социальное понимание термина «ученый». Акт присваивания имени (*act of naming*) — особое социальное суждение атрибуции, которое предписывает иницируемому то, что предписано данным социальным определением. Наиболее реальный эффект ритуала институционализации в том, что человек чувствует себя обязанным соответствовать этому определению, быть на высоте своей функции. Человек, получивший ученую степень, признается и рассматривается так всем обществом, начиная с его собственной семьи, и этот взгляд на него может поощрить его соответствовать своей новой сущности, жить согласно с его новой социальной природой (Bourdieu 1991: 121).

«Стань тем, кто ты есть», — вот принцип, который лежит в основе перформативной магии всех актов институционализации. Присваивание научной степени, говоря языком Бурдьё, фатально — оно помещает человека внутрь рамок, которые ему предписаны и которые он должен признавать. Функция всех магических границ (между мужчинами и женщинами или миром ученых и не ученых) состоит в том, чтобы помешать тем, кто находится внутри, по эту сторону границы пересечь ее, умалить свое положение или деклассироваться. Бурдьё приводит слова Парето о том, что элиты ослабевают (*waste away*), когда они перестают верить в себя, когда они теряют свой боевой дух и нравственные принципы, и начинают пересекать границу не в том направлении. Это также является одной из функций акта

институционализации — навсегда воспрепятствовать любой попытке пересечь линию, нарушить границу, дезертировать или уйти (Bourdieu 1991: 122).

Бурдьё пишет, что универсальная стратегия для эффективной борьбы с искушением вести себя неподобающим образом состоит в натурализации различия, в его превращении во вторую природу посредством внедрения в сознание и инкорпорирования в форме габитуса. Эту роль должна играть предварительная подготовка и сам обряд инициации. Как показали психологические эксперименты, приверженность людей к тому или иному социальному институту прямо пропорциональна строгости и болезненности обрядов инициации (в нашем случае — экзаменов и защиты диссертации). Работа по внедрению, посредством которой достигается установление произвольной границы между ученым и не ученым миром, стремится к натурализации решающих разрывов в форме чувства границ, когда одни понимают необходимость поддерживать свой ранг и соблюдать дистанцию, а другие — знать свое место и быть удовлетворенными своей судьбой, быть теми, кем они должны быть, лишаясь, таким образом, самого чувства лишенности. Это же может привести к появлению длительных предпочтений, подобно классовым вкусам, которые, будучи принципом «выбора» внешних знаков, выражающих социальное положение, — одежда, но также телесный эксис или язык, делаая всех агентов носителями отличительных знаков (в нашем случае, очков, бороды, степенного вида, книг, использования научной терминологии, непонятной непосвященным, стиля жизни, режима дня), из которых знаки отличия — лишь подкласс, способный объединять и разделять людей не хуже, чем явные барьеры и запреты — например, приводя к классовой эндогамии. Инкорпорированные знаки отличия служат обозначением социальной позиции, напоминанием тем, кто забыл о том, какое положение предписано им научной институцией (Bourdieu 1991: 123–124).

Акты социальной магии, такие, например, как присуждение ученых степеней и званий, могут быть успешными, только если институционализация гарантируется всей группой или признанной институцией. Даже когда акт совершается отдельным уполномоченным лицом, который действует по утвержденной форме (в утвержденные сроки, в определенном месте, с набором процедур, который считается правильным, т. е. социально валидным и потому ритуально эффективным ритуалом), он, главным образом, покоится на вере всей группы (которая может присутствовать физически), т. е. на социально обусловленных диспозициях знания и признании институциональных условий валидного ритуала. Бурдьё замечает, что это означает то, что символическое воздействие ритуала будет варьироваться — одновременно или последовательно — в соответствии со степенью, в которой люди, для которых совершается ритуал, лучше или хуже подготовлены, или более или менее предрасположены получить его (Bourdieu 1991: 125).

В отличие от самозванца, который не является тем, кем кажется, который узурпирует имя, титул, права и почести другого человека, в отличие от «исполняющего обязанности», замещающего или помощника, играющего роль руководителя, не имея соответствующей квалификации, легитимный представитель является объектом гарантированной, сертифицированной в качестве правильной, веры. Он является тем, кем он кажется. Его реальность — как носителя ученой степени — основывается не на его личных убеждениях или притязаниях, всегда могущих вызвать усмешку и недоумение, а на коллективных убеждениях, гарантированных институцией и получивших конкретное воплощение в виде «корочки из ВАК», свидетельства. Знаки уважения, упоминание, что N является к.с.н. или д.филос.н. — являются многократными повторениями инаугурационного акта институционализации, совершенного всеми признанной властью и потому основанной на общем консенсусе. Они рассматриваются как доказательство признания не просто по отношению к данному человеку, но более того — по отношению к тому институту, который институционализировал его (вот почему уважение к формам и формы уважения, которые

определяют вежливость, столь политизированы). Вера каждого, предшествующая ритуалу, является условием эффективности ритуала (Bourdieu 1991: 126).

Бурдьё завершает свою статью вопросом «обладали бы обряды институционализации такой силой, ... если бы они не были способны придавать, по крайней мере, видимость смысла, цель тем существам без цели, которыми являются человеческие существа, придавать им чувство обладания ролью, значимость, выводя их тем самым из состояния ничтожности?» Подлинный смысл чуда, производимого обрядом институционализации, без сомнения, состоит в том факте, что он заставляет посвящаемых верить, что их существование оправдано, что оно имеет цель. Однако различительная природа символической власти делает так, что придание какому-то классу людей статуса Бытия означает неизбежное соскальзывание дополнительного класса людей в Небытие или меньшее Бытие» (Bourdieu 1991: 126).

Мы можем заметить, что, к счастью, небытие в науке не является несчастьем или трагедией для большинства людей. Небытие как ученого и Бытие как не ученого в нашем обществе подчас считается делом более прагматичным, рациональным и прибыльным. Многие политики, общественные деятели считают возможным «нырнуть» в ученое Бытие, получить научную степень и «вынырнуть» в свое Бытие, позаимствовав сакральные знаки уважения научного сообщества. Однако, как справедливо отмечает Бурдьё, чудо символического ритуала исчезает, если кто-то видит, что магия слов просто освобождает предварительно заведенные пружины-диспозиции (Bourdieu 1991: 126).

Заключение

На наш взгляд, метафоры «обряда перехода» и «обряда институционализации» дают возможность рассмотреть проблему качества научной аттестации в России под новым углом зрения. Тернер, в частности, полагал, что лиминарная стадия обряда перехода является точкой на плоскости времени и пространства, где проявляются глубинные ценности любого сообщества (Turner 1988: 102).

Как отмечает Зиман, научное сообщество, являющееся «добровольной ассоциацией индивидуальностей, посвятивших себя трансцендентной цели — продвижению знания», может опираться только лишь на усилия каждого соблюдать заявленные нормы научного этики (Ziman 1968: 96). При прохождении обряда перехода или институционализации неподготовленными и не проникнувшими его истинным сакральным смыслом чужаками происходит загрязнение сообщества ученых, влекущее десакрализацию существующих границ. Поэтому, чтобы сохранить свои ценности и избежать дальнейшей профанизации ритуалов, научное сообщество должно предпринять действенные меры по самосохранению и защите от чужаков.

Литература

Геннеп А., ван. Обряд перехода: Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской; Послесл. Ю.В. Ивановой. М.: Вост. лит. РАН, 2002.

Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Милуков П. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001.

Положение о диссертационном совете. Утверждено приказом Минобразования России от 9.04.2002 г. № 1305 // Бюллетень ВАК. 2002. № 3. Май.

Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект. 75 простых правил. М.: ГУ-ВШЭ: ИНФРА-М, 2001.

Bourdieu P. Rites of Institution // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. / Ed. and Intr. John B. Thompson. Transl. by G. Raymond and M. Adamson. Cambr., UK: Polity Press, 1991. P. 117–126.

Constantinides H. The duality of scientific ethos: Deep and surface structures // The Quarterly Journal of Speech. Annandale. 2001. Vol. 87. Issue 1. P. 61–72.

Harrison J. Prolegomena to the Study of Greek Religion. L.: Cambr. Univ. Press, 1903.

Honigmann J.J. Dynamics of drinking in an Austrian village // Ethnology. 1963. Vol. 2. P. 157–169.

Horton D. The functions of alcohol in primitive societies: A cross-cultural study // Quaterly Journal of Studies on Alcohol. 1943. Vol. 4. P. 199–320.

Ling Roth H. The Natives of Sarawak and British North Borneo. T. 1. L., 1896.

Mahoney M.J. Scientist as Subject: The Psychological Imperative. Cambridge: Ballinger Publishing Company, 1976.

Mandelbaum D.G. Alcohol and Culture // Current Anthropology. 1965. Vol. 6. No. 3. P. 281–293.

McNee R. A Proposal for New Geography Course for Liberal Education: Introduction to Geographic Behavior // New Approaches to Introductory College Geography Courses. Publication n. 4. Commission on College Geography. Washington, D.C.: Association of American Geographers, 1967. P. 4–5.

Some Rites of Passage // Social Education. Arlington. 1993. Vol. 57. Issue 6.

The Private Journal of Capt. G.-F.Lyon. L., 1824.

Thompson J.E.S. Mexico before Cortez. N.Y.: Scribner, 1940.

Turner V. The Anthropology of Performance. N.Y.: PAJ Publications, 1988.

Turner V. The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Ritual. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989.

Wacquant L. Reading Bourdieu's «Capital». Foreword to the English-language translation of Pierre Bourdieu, La noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps (Paris, Editions de Minuit, 1989); The State Nobility (Cambridge, Polity Press, 1997). University of California-Berkeley, Centre de sociologie européenne du Collège de France, Department of Sociology, February 1995. (<http://www.homme-moderne.org/societe/socio/wacquant/capital.html>).

Washburne C. Primitive Drinking. N.Y. and New Haven: College and Univ. Press, 1961.

Werner A. The Natives of British Central Africa. L., 1906. P. 102–103.

Ziman J.M. Public Knowledge. An essay concerning the social dimension of science. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968.